

ЛАЛИ ТА

ИНОГДА САМОЕ
ТРУДНОЕ — ПОВЕРИТЬ,
ЧТО ТЫ ДОСТОИН
ЛЮБВИ

ВСЁ ЕЩЁ
Твоя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лали Та
всё ещё Твоя

«Автор»

2026

Лали Та

всё ещё Твоя / Лали Та — «Автор», 2026

Он — её полная противоположность. Макс Фуг — дерзкий, скандально известный музыкант, привыкший получать всё, что захочет. Женщины, слава, внимание — для него это игра. До тех пор, пока он не встречается её. Загадочную. Холодную. Недостигаемую. То, что начинается как случайная встреча, быстро превращается в опасное притяжение, где границы размываются, прошлое не отпускает, а чувства становятся сильнее страха. Но можно ли вновь научиться жить если сердце уже однажды разбилось? И что опаснее — остаться в прошлом или рискнуть всем ради того, кто может разрушить тебя снова? История о боли, страсти и втором шансе, который может стать как спасением так и гибелью.

© Лали Та, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	22
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лали Та всё ещё Твоя

Глава 1

— Простите, это ваши работы?

Я оборачиваюсь не сразу — даю себе лишнюю секунду, будто надеюсь, что вопрос адресован не мне. Но нет. Передо мной стоит он.

Парень лет двадцати пяти, с безупречной, почти вызывающе идеальной улыбкой. Отбеленные зубы, светлые пряди, аккуратно высветленные на кончиках. Надо отдать должное стилисту — работа тонкая, дорогая. Такой холодный оттенок блонда получается только у тех, кто действительно знает, что делает. Без желтизны, без грубости — чистый, почти стерильный цвет.

— Нравится стрижка? — он улыбается шире, проводя рукой по волосам, чуть взъерошивая их.

Я равнодушно пожимаю плечами, позволяя губам изобразить вежливую, но пустую улыбку, и возвращаюсь к картине. Моей картине.

Он не уходит.

Конечно же.

— Так они ваши?

— Мои, — повторяю я, уже не оборачиваясь.

— Талантливо.

Я едва заметно усмехаюсь. Внутри — почти раздражение. Он не понимает. Ни линии, ни боли, ни того, сколько в этих холстах крови — моей крови, если уж быть честной.

Я ненавижу, когда меня хвалят. Особенно за это.

Эти картины — не искусство. Это вскрытие. Моё.

И теперь толпа людей ходит между стендами, разглядывая мои внутренности так же спокойно, как бокал шампанского в руке.

— Вы Вероника Андреева.

Я поворачиваюсь.

Ну, по крайней мере, он умеет читать.

— Я Макс Фуг.

Конечно.

— Я знаю, кто вы, — устало отвечаю я.

Врать бессмысленно. Его лицо смотрело на меня с билбордов, экранов, обложек журналов. Его голос — из каждого динамика. Его жизнь — на каждой странице жёлтой прессы.

Слишком много Макса Фуга.

Слишком громко.

Слишком самоуверенно.

И слишком... живо.

— Я буду называть тебя Вера, — говорит он вдруг, делая шаг ближе. — Обычно ведь Ника, да? Но мне хочется... эксклюзива.

Его голос становится ниже. Мягче. Почти интимнее.

Я вздрагиваю.

— Нет, — резко. — Нет, Максим. Думаю, у вас нет такого права.

Между нами повисает пауза. Короткая, но плотная.

Он смотрит на меня внимательнее, чем следовало бы. Будто не на лицо — глубже. Как будто пытается нащупать трещину.

И, что хуже всего... почти находит.

— Мне нравятся загадки, Вероника, — тихо произносит он.

— Я знаю. Из ваших песен.

Я ухожу, не давая ему продолжить.

Но ощущение его взгляда остаётся на коже — как тёплый след, как лёгкое касание, которого не было... но которое я всё равно чувствую.

Мне нужно найти Таню. Срочно.

Слишком много людей. Слишком много воздуха, в котором растворена чужая заинтересованность. Слишком много правды на стенах.

Я почти физически ощущаю, как кто-то рассматривает мои картины — и одновременно меня. Словно между холстами и моей кожей нет никакой разницы.

Словно я — тоже экспонат.

— Ника!

Таня стоит рядом с мужчиной лет пятидесяти. Элегантный. Дорогой костюм. Взгляд коллекционера — цепкий, оценивающий.

— Это Антон Долохов, — с гордостью произносит она. — Он хочет купить несколько твоих работ. И... — она делает паузу, сияя, — помочь с выставками в Нью-Йорке, Цюрихе и Париже.

— Нет, спасибо.

Я говорю это мягко.

Но слишком быстро.

— Тань, можно тебя на минуту?

Я уже иду к выходу, не дожидаясь ответа.

В груди — странное чувство. Как будто воздух стал гуще.

И вдруг — почти болезненное желание.

Сигарета.

Ментоловая.

Холодный дым, который заполняет лёгкие, медленно растекаясь по телу, расслабляя, притупляя.

Я почти чувствую его вкус на губах.

Но не позволяю себе.

Я обещала.

Ему.

— Ник, ты серьёзно? — Таня догоняет меня. — Я тут перед Долоховым чуть ли не танцевала, а ты...

— Прости, — перебиваю я. — Это ошибка. Вся эта выставка — ошибка.

— Ты опять...

— Да. Опять.

Она смотрит на меня дольше, чем обычно.

Мягче.

— Нельзя жить в прошлом, — тихо говорит она. — Ты не должна там оставаться одна.

Имя не произносится.

Но оно между нами.

Игорь.

— Он бы хотел, чтобы ты жила дальше, — добавляет она.

Я отвожу взгляд.

Если бы.

Если бы он просто вошёл сейчас в дверь...
Запах дождя на его пальто.
Тепло его ладоней.
Голос:
"Вера, я дома."
Я бы подошла.
Прижалась.
Слишком крепко.
Слишком долго.
— Вер, ты чего? — спросил бы он, улыбаясь, касаясь губами моей макушки.
И я бы ответила:
— Мне снился кошмар. Что тебя нет.
— И как ты без меня? — усмехнулся бы он.
— Плохо.
Очень плохо.
— Эй!
Щелчок пальцев.
Я возвращаюсь.
— Всё нормально? — спрашивает Таня.
— Да.
Лгу.
— Я поеду домой.
Мы обнимаемся.
Её духи — знакомые, дорогие, тёплые.
Стабильные.
В отличие от меня.

— Куда поедет? — спрашивает Петя. Водитель. Слишком мало для описания того, что он сделал для меня. Нас. Но достаточно для определения отделов души, куда я его пустила.
— Давай покатаемся.
Москва ночью всегда была нашим спасением.
Моим и его.
Огни, отражающиеся в воде.
Пустые улицы.
Руки на руле.
И его взгляд, иногда скользящий ко мне — тёплый, живой.
Я закрываю глаза.
На секунду.
И вдруг — совсем неожиданно — в памяти всплывает другое лицо.
Светлые волосы.
Белая улыбка.
И этот взгляд.
Слишком внимательный.
Слишком заинтересованный.
Слишком... личный.
Я резко открываю глаза.
— Домой? — спрашивает Петя.
— Да.

— Вам доставка.
Я замираю.
Огромная корзина.
Розовые пионы.
Моё дыхание сбивается.
Руки слегка дрожат, когда я разворачиваю записку.

Макс Фуг. "Самой загадочной девушке Москвы. Надеюсь, ты позволишь мне узнать тебя ближе."

Я сжимаю бумагу.
Слишком сильно.
И вдруг понимаю — впервые за долгое время кто-то смотрит на меня не как на вдову
не как на художника
не как на трагедию
а как на женщину.
И это...
опаснее всего.
Чёрт.

Глава 2

— Пионы, представляете? Розовые, мать их! — злюсь я, откидываясь на спинку стула и раздражённо помешивая ложечкой кофе.

Утренний свет мягко ложится на столики ресторана «Вендетта», отражается в бокалах с шампанским и стеклянных вазах с цветами. Всё здесь по-прежнему — как и несколько лет назад. Наш стол, наше воскресенье, наши привычные разговоры.

Только я — уже не та.

— Ну и наслаждайся, Ник, — лениво тянет Марина, отпивая шампанское. Она делает это так, будто это не утро, а глубокая ночь, и впереди ещё целая жизнь. — Я вообще не понимаю, что тебя так бесит. Макс — симпатичный мальчик, успешный, я интервью с ним видела... вроде даже не тупой.

— Розовые пионы — это их цветы с Игорем, — тихо, но жёстко говорит Таня, глядя на Марину поверх бокала. — Даже на свадьбе они были везде. Если ты, конечно, не забыла... Ах да, ты же тогда зажималась с другом жениха и пропустила половину церемонии.

Марина закатывает глаза, но уголки её губ дрожат в усмешке.

— Я просто умею получать удовольствие от жизни. В отличие от некоторых.

— Ага, — хмыкает Таня, — просто у тебя оно слишком часто сводится к чьему-то хозяйству между ног.

— Девочки, — вмешивается Саломе, вытягивая руку к фруктовой тарелке, — вот выйдете замуж — будете жалеть, что не отрывались по полной. Особенно если муж попадётся... темпераментный.

Она делает паузу, загадочно улыбаясь.

— Кавказец, например. С наклонностями.

— Я думала, ты счастлива с Давидом, — приподнимает бровь Таня.

— Я счастлива, — вздыхает Саломе, проводя пальцем по краю бокала. — Но даже если я просто посмотрю на другого мужчину... Давид каким-то шестым чувством это ловит. И проверяет, чтобы этот мужчина не оказался рядом со мной. Слишком близко.

Мы смеемся, но я вижу в её глазах правду. Тонкую, почти невидимую грань между страстью и контролем.

— В общем, Ник, — продолжает она мягче, — мы все понимаем, что у тебя никого не было с того момента, как... ну...

Она замолкает.

И этого достаточно.

— Может, тебе стоит немного... развеяться?

Я морщусь.

— Не думаю, что мальчик, поющий про страдания и любовь, — это именно то, что мне сейчас нужно.

— Вообще-то мальчику двадцать пять, — с намёком произносит Марина, скользя по мне взглядом.

— Если бы у тебя был муж старше на двенадцать лет, ты бы понимала, почему он для меня мальчик.

— Ник, — вздыхает Таня, — я не претендую на истину, но... тебе правда нужно выйти в люди. Сходить на свидание. Просто попробовать.

— Вы серьёзно? — я смотрю на них по очереди. — Я рассказываю вам про наглого типа, который нарушает мои границы, а вы предлагаете мне с ним флиртовать?

— Может, он просто делает это не так, как все остальные, — пожимает плечами Марина. — И поэтому у него есть шанс.

Я резко встаю.
— Прекрасно. Вы все против меня.
— Мы за тебя, — мягко говорит Таня. — Просто ты... застряла.
Её слова режут сильнее, чем хотелось бы.
— Не дай бог тебе пережить смерть любимого мужчины, — бросаю я, уже жалея об этом в ту же секунду.
Слёзы предательски подступают к глазам, и я быстро отворачиваюсь, уходя к выходу.
Я почти падаю на заднее сиденье машины.
Петя молча трогается с места.
И за это молчание я благодарна ему больше, чем за любую защиту.
Город скользит за стеклом — серый, живой, равнодушный.
Когда-то я была другой.
Живой.
Громкой.
Я могла за вечер влюбить в себя полкомнаты — не специально, просто так получалось.
Смех, энергия, желание жить — во мне этого было слишком много.
Я танцевала на столах.
Срывалась в поездки без планов.
Целовалась под дождём.
Жила.
Телефон вибрирует.
— Зай, прости... — начинаю я автоматически, уверенная, что это Таня.
— Ого. Уже «зай»? — раздаётся в трубке мужской голос, с лёгкой насмешкой.
Я резко выпрямляюсь.
— Какого чёрта...
Отрываю телефон от уха.
Незнакомый номер.
Но я уже знаю.
— Кофе попьём? — спокойно продолжает он.
— Кто это?
— Макс. Макс Фуг. Я вчера цветы отправил... ты получила?
— Откуда у тебя мой номер?
— Детка, в этом городе можно достать всё, если знаешь, сколько заплатить.
Меня передёргивает.
— Во-первых, я тебе не «детка».
Я сама не замечаю, как мой голос становится холоднее.
— А во-вторых?
— Не звони мне больше.
Я сбрасываю.
Сердце бьётся чуть быстрее, чем должно.
Телефон снова звонит.
— Ты вообще понимаешь... — начинаю я раздражённо.
— Ого, — смеётся Марина, — я в немилости?
Я закрываю глаза.
— Прости. Я думала, это он.
— Фуг? — в её голосе сразу появляется интерес.
У Марины дома пахнет вином, парфюмом и чем-то едва уловимо тёплым.
Она открывает дверь в шелковом халате, который едва держится на плечах. Ткань скользит по её коже, подчёркивая каждое движение, каждую линию тела.

— Проходи, — она отступает, пропуская меня внутрь. — Шабли будешь?

— Буду.

Я разужаюсь, чувствуя, как напряжение постепенно сползает с плеч.

Марина двигается по кухне уверенно, красиво. Даже в простых движениях — налить вино, поправить волосы — есть что-то почти провокационное.

Она всегда так жила — на грани между контролем и соблазном.

— Так тебе Макс звонил? — спрашивает она, протягивая мне бокал.

Я киваю.

Телефон снова вибрирует.

Сообщение:

"Ты когда-нибудь была в студии звукозаписи?"

— Он, — говорю я.

Марина усмехается.

— И тебя это совсем не заводит?

— Нет.

Я делаю глоток вина.

Слишком большой.

— Совсем?

Она подходит ближе, опираясь бедром о стойку. Между нами почти нет расстояния.

— Молодой, наглый, известный... явно знает, чего хочет.

Я отвожу взгляд.

И в этот момент ловлю себя на странной мысли:
его голос.

Тот, как он сказал «детка».

Как будто это было не оскорблением, а...
нет.

Глупости.

— Марин, он так ведёт себя со всеми.

— Возможно, — пожимает она плечами. — Но ты не все.

Пауза.

Тягучая.

— Ник, — мягче говорит она, — тебе нужно вспомнить, каково это... когда на тебя смотрят не из жалости.

Я сглатываю.

— Когда тебя хотят.

Её слова оседают где-то глубже, чем хотелось бы.

Телефон снова оживает.

"Завтра в восемь заберу тебя. Хочу показать студию Red Wings."

— Сходи, — тихо говорит Марина.

Я закрываю глаза на секунду.

— Одно свидание, — наконец произношу я. — И всё.

— Конечно, — улыбается она, чокаясь со мной бокалом. — Только одно.

Но в её взгляде — совсем другое.

И, что хуже всего,

где-то глубоко внутри

я чувствую...

лёгкое, опасное

предвкушение.

Глава 3

Злюсь на себя.

Уже полтора часа я стою перед гардеробом, перебирая вещи так, будто от этого зависит исход всей моей жизни. Платья, костюмы, блузки — всё летит на кровать, на стул, на пол, образуя хаос, в котором, кажется, отражается и моё внутреннее состояние.

В этом я выгляжу как монашка, боящаяся случайно оголить локоть.

В этом — слишком откровенно, почти вульгарно, будто кричу: «Возьми меня», и где-то между складками ткани звучит тихое, почти жалкое: «Пожалуйста...»

Этот слишком роскошный.

Этот цвет делает кожу бледной.

Этот — слишком... правильный.

Я резко опускаюсь на пол, обнимая колени и закрывая лицо руками.

— Господи...

Дыши.

Просто дыши.

Я взрослая женщина. Ладно... девушка. Состоявшаяся. Самостоятельная.

С слегка расшатанной психикой.

Ладно — с очень расшатанной.

Я отнимаю руки от лица и смотрю на себя в зеркало снизу вверх. Растрёпанная, с чуть покрасневшими глазами, с этим упрямым выражением лица, которое я сама у себя терпеть не могу.

Как мне всё это скрыть... и при этом не спрятаться полностью?

Как выглядеть так, будто мне всё равно — но при этом не так, будто я вообще не женщина?

Часы на стене тихо щёлкают.

Безжалостно.

Почти восемь.

Макс может приехать в любую минуту.

Я не ответила ни на одно его сообщение.

Есть шанс, что он просто не приедет.

И тогда всё решится само собой.

Он поедет по адресу прописки — в нашу с Игорем квартиру. Там меня нет. И не будет.

А я... я спущусь в холл, подожду.

Пять минут.

Ладно, десять.

И уйду.

С чистой совестью.

Не судьба.

План идеальный.

Слишком идеальный, чтобы быть правдой.

Я резко встаю.

К чёрту всё.

Рука сама тянется к красному брючному костюму. Ткань мягко скользит по коже, когда я надеваю пиджак — свободный, чуть небрежный крой, который скрывает фигуру... но только на первый взгляд.

Под него — чёрный шёлковый топ с кружевной отделкой. Он почти невесомый, прохладный, и едва касается кожи. Тонкие бретели ложатся на плечи, и я вдруг остро чувствую собственное тело — как будто давно не обращала на него внимания.

Как будто оно... просыпается.

Я задерживаю взгляд на отражении.

Слишком?

Нет.

Достаточно.

Сдержанно... но не совсем.

Женственно... но без попытки понравиться.

Или всё-таки с ней?

Я провожу ладонью по талии, поправляя пиджак, и на секунду задерживаю пальцы чуть ниже, чувствуя тепло собственной кожи сквозь тонкую ткань.

Чёрт.

Я резко убираю руку.

Туфли. Сумка. Лёгкий макияж.

Губы — чуть влажные, почти натуральные.

Волосы распущены, мягко падают на плечи.

Я смотрю на себя в зеркало дольше, чем нужно.

«Не красавица».

«Ничего особенного».

Сколько раз я слышала это — шёпотом, за спиной.

И, возможно, они правы.

Я не из тех, кто ослепляет с первого взгляда.

Во мне нет той выверенной идеальности, что сейчас заполняет ленты соцсетей.

Но, может быть...

Во мне есть что-то другое.

Я хмурюсь.

И тут же отбрасываю эту мысль.

Макс Фуг.

Я не понимаю, что он во мне нашёл.

Рядом с ним всегда были девушки другого формата — идеальные, яркие, громкие.

Не такие, как я.

Вдова.

Художница.

Сломанная.

Телефон в руках.

Двадцать минут до выхода.

Я автоматически открываю сторис Алисы Кис.

— Привет, котятки! — её голос льётся, как всегда, слишком сладко, слишком уверенно.

Я смотрю, почти не слушая, пока слова не начинают складываться в смысл.

Логос.

Катя Кордова.

Скандал.

«Привет, котятки! Известный репер Логос сегодня вновь был замечен в компании модели Кати Кордовой. — вещала Кис, тараторя в своей обычной манере и светя хищным маникюром красного цвета. — Что это: зарождающаяся любовь, или Катя нашла себе очередного нового друга, способного удовлетворить все её нескромные потребности?»

Чмоки, люблю!» Я поёживаюсь, благодаря Бога за то, что моё имя никогда не попадало на язык Алисе Кис. Эта блондинка могла сделать из будничной новости целую сенсацию, а благодаря миллионам подписчиков, разнести эту информацию по всему миру. «Хоть бейте, не верю я в альтруизм Катюши, - Алиса приторно складывает в улыбку пухлые губки, - слишком уж часто я замечала её в компании «непростых» ребят, если вы понимаете о чём я. Хотя, возможно, в свои двадцать, Катя уже имеет такой опыт и квалификацию, которые могут удивить даже Логоса, который, будучи владельцем бренда «Ред Вингс» и сам немало повидал. - Кис подмигивает своим зрителям. - Посмотрим чем закончится эта лав стори, а я буду держать вас в курсе всех событий.

Досматриваю я уже стоя в лифте, и когда запись заканчивается, облегченно блокирую телефон. Что ж, бывало и хуже. По правде говоря это один из самых ласковых выпусков. Видимо, Алиса ещё ничего не успела накопать на эту Катю Кордову, только намеки.

разумеется самим собой. Логоса же она полоскала в эфире чем попало уже несколько лет, как только он начал свою карьеру репера. Весь покрытый татуировками с ног до головы, Логос имел репутацию самого плохого парня в российском шоу бизнесе. Кажется, что для него не было никаких авторитетов и никакой управы. В своих песнях он насмеялся над людьми из политики, своими коллегами, женщинами, и

«Никакого страха, ничего святого» так гласил девиз на его футболках и руках.

Я невольно морщусь.

Как же легко здесь, а в этом мире, тебя могут разобрать на части — и выставить на всеобщее обозрение.

Достаточно.

Лифт медленно спускается вниз.

Сердце стучит чуть быстрее.

Глупо.

Просто встреча.

Просто мужчина.

Когда двери открываются, я сразу его вижу.

Макс.

Он стоит в холле, опираясь плечом о колонну. Чёрная толстовка с граффити, рваные джинсы — будто он вышел не на свидание, а на репетицию.

Контраст между нами почти смешной.

И всё же...

Он смотрит на меня так, будто я выгляжу идеально.

— Прекрасно выглядишь, — говорит он, подходя ближе.

Слишком близко.

Он наклоняется и касается губами моей щеки.

Коротко.

Но достаточно, чтобы я почувствовала тепло его дыхания, запах парфюма — свежий, с чем-то тёплым, почти пряным.

И почему-то это ощущение задерживается на коже дольше, чем должно.

— Я боялся, ты не придёшь, — тихо добавляет он.

— Но я здесь, — отвечаю я.

— Я умею ждать, — он чуть улыбается. — Если это того стоит.

Я поднимаю взгляд.

На секунду между нами возникает пауза.

Тягучая.

Плотная.

— Думаешь, стоит? — тихо спрашиваю я.

Он не отвечает сразу.

Просто смотрит.

И от этого взгляда — внимательного, почти осязаемого — становится чуть... не по себе.

— Я ведь здесь, — повторяет он.

И в этот раз это звучит иначе.

Глубже.

Когда он берёт меня за руку, чтобы помочь пройти по неровному асфальту у студии, его пальцы сжимаются чуть крепче, чем нужно.

И я вдруг остро чувствую это прикосновение.

Тёплое.

Уверенное.

Не наглое.

Но и не случайное.

Я не отдёргиваю руку.

И это — уже маленькое поражение.

Или начало чего-то другого.

Студия «Ред Вингс» находится почти в самом центре Москвы, но, к моему удивлению, прячется в совершенно обычном здании — сером, ничем не примечательном, будто специально старающемся не привлекать к себе внимания. Ни вывески, ни неона, ни намёка на то, что за этими стенами создаются треки, которые потом звучат из каждой машины и каждого клуба.

Слишком тихо.

Слишком скромно.

— Удивлена? — усмехается Макс, ловя мой взгляд, скользящий по фасаду.

— Скорее обескуражена, — честно отвечаю я, скрещивая руки на груди. — Мне казалось, Логос... — я делаю паузу, подбирая слово, — не из тех, кто скрывается.

— О, он не скрывается, — хмыкает Макс. — Просто любит эффект неожиданности. У тебя будет шанс ему об этом сказать.

Он кивает в сторону двора.

— Пойдём. Вход с другой стороны.

Мы обходим здание, и мои каблукы тут же начинают мстить за попытку выглядеть «собранным». Тонкий шпилька проваливается в трещины асфальта, цепляется за решётки, и я невольно сбиваюсь с шага.

— Осторожно, — тихо говорит Макс.

Его рука ложится на мою — тёплая, уверенная. Он не просто поддерживает, а словно ведёт, чуть притягивая ближе.

Слишком близко.

Я чувствую его плечо рядом, почти касающееся моего. Его запах — тот самый, что в холле — становится насыщеннее, глубже. В нём есть что-то тёплое, обволакивающее... и неожиданно интимное.

Я не отдёргиваю руку.

И снова проигрываю.

Мы заходим внутрь, так и не размыкая пальцев.

Девушка на ресепшене сразу поднимает глаза и улыбается — слишком широко, слишком внимательно.

— Макс, как приятно вас видеть. И вашу спутницу, — её взгляд на секунду задерживается на мне. — Поднимайтесь, вас уже ждут.

— Ждут? — я поворачиваюсь к нему, но он даже не смотрит в мою сторону.

Лишь коротко кивает и тянет меня дальше.

— Макс, что значит...

Я не успеваю договорить.

Он открывает тяжёлую железную дверь — и на меня обрушивается звук.

Громкий.

Плотный.

Он буквально врежется в тело, заставляя сердце на секунду сбиться с ритма.

Передо мной открывается пространство: огромная полукруглая комната с чёрными стенами, мягким приглушённым светом и стеклянной капсулой в центре. За стеклом — мужчина у микрофона, голос которого звучит через колонки, заполняя всё вокруг.

Внешняя зона — диваны, низкие столики, техника.

И люди.

Четверо мужчин, развалившихся в расслабленных позах.

Одного я узнаю сразу.

Логос.

Он выглядит именно так, как я его представляла: уверенный, опасно спокойный, с тем самым взглядом, в котором слишком много насмешки и слишком мало уважения к окружающим.

Макс ведёт меня к ним, всё ещё не отпуская мою руку.

Я чувствую, как его пальцы слегка сжимаются, будто напоминая — ты со мной.

— Вероника, знакомься, — его голос звучит почти мягко, — это Фор, Костя Крик, Порох... и Логос.

Я киваю, сохраняя вежливую улыбку.

Несколько взглядов скользят по мне — оценивающих, ленивых.

Я чувствую их.

Но сильнее — ощущаю Макса рядом.

Как будто между мной и этим пространством есть невидимая граница, и он — часть её.

— Не переживай, здесь не всегда так громко, — говорит Логос, лениво указывая на стеклянную комнату. — Сегодня прослушивание. Любим ловить фальшивые ноты.

Его голос — низкий, чуть хриплый, с ленивой угрозой.

Остальные смеются.

Я понимаю: здесь он главный.

И все это знают.

Кроме Макса.

Он наклоняется к нему, что-то тихо говорит. Я не слышу слов, но замечаю, как меняется выражение лица Логоса — на секунду становится серьёзнее.

Затем он кивает.

— Всё, на сегодня закончили, — громко говорит он. — Спасибо, ребята. Завтра в то же время.

Люди начинают расходиться.

Шум стихает.

И вдруг становится... тише.

— Присаживайся, Ника, — Логос кивает на место рядом с собой. — Можно так?

Я киваю.

Макс тут же реагирует:

— То есть мне нельзя, а ему можно?

В его голосе — лёгкая обида. Почти мальчишеская.

Я невольно улыбаюсь.

— Ты называл меня иначе.

— Понял, — он поднимает руки. — Загадочная девушка Москвы.

Я пожимаю плечами.
— Ты сам выбрал это.
Он смотрит на меня чуть дольше, чем нужно.
И в этом взгляде снова появляется что-то... личное.
Слишком личное.
Когда Макс уходит за стекло, надевая наушники, пространство будто меняется.
Свет становится мягче.
Звуки — глубже.
Музыка начинается почти незаметно, но постепенно заполняет всё вокруг.
Он смотрит на меня.
Прямо.
Сквозь стекло.
И поёт.
Я не слышу слов — я их чувствую.
Как они ложатся на воздух, как проникают внутрь, как будто он не просто исполняет песню, а говорит со мной.
Только со мной.
Я не должна на это реагировать.
Но реагирую.
Где-то внутри становится теплее.
— Представляешь, сколько девушек хотели бы сейчас оказаться на твоём месте? — голос Логоса резко возвращает меня в реальность.
Я чуть вздрагиваю.
— Но здесь я.
— Надолго ли?
Я поворачиваюсь к нему.
— Каждый разрушает себя как хочет.
Он усмехается.
— Красивая фраза.
— Могу продать.
Он смотрит внимательнее.
Дольше.
И в этом взгляде — уже не просто насмешка.
Интерес.
Настоящий.
— У Макса появилась девушка с мозгами? — лениво бросает он.
Я медленно выдыхаю.
— Если бы я знала, что меня здесь будут пытаться задеть, я бы не пришла.
Пауза.
Короткая.
Но напряжённая.
Он наклоняется чуть ближе.
Слишком близко.
Я чувствую его взгляд на своей коже.
— Я не пытался тебя задеть, — тихо говорит он. — Скорее... проверить.
Я встречаю его взгляд.
Не отступая.
— Смотря для кого. Для внешнего мира — хищник. Для психиатра — жертва. — Послушай, мне совершенно не интересно, что ты там собирался сказать. То, что я услышала мне

не нравится, но я принимаю то, что это твоя манера защиты от внешнего мира: укусить, пока не укусили тебя. — То есть ты думаешь, что я не хищник, а жертва? — с его губ не сходит ироничная усмешка.

Он улыбается.

— А ты?

— Я просто не люблю, когда меня трогают словами.

Он смеётся.

Глубоко.

И в этот момент музыка заканчивается.

Макс возвращается.

— Что-то не так? — он переводит взгляд с меня на Логоса.

— Наоборот, — отвечает тот. — Я вдохновился.

Макс хмурится, но быстро переключается.

— Тебе понравилось?

Я смотрю на него.

И вдруг понимаю — да.

Понравилось.

Не только выступление.

— Да, — тихо говорю я. — Спасибо.

Он чуть улыбается.

И на секунду становится... другим.

Не тем дерзким парнем из интервью.

А настоящим.

Живым.

— Может, поужинаем? — добавляю я, чувствуя, как усталость накатывает неожиданно резко.

— Конечно, — он уже поворачивается. — Я сейчас.

— Не надо, — мягко перебиваю я. — Давай просто уйдём.

Он смотрит на меня.

Секунда.

Две.

И кивает.

Макс уже открывает рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент железная дверь с грохотом распаивается так, будто её пнули ногой.

В помещение влетает девушка.

Нет — ураган.

Высокая, идеально собранная, с лицом, которое, кажется, проектировали не один, а сразу несколько хирургов. Скулы — как лезвия, губы — слишком правильные, чтобы быть натуральными, грудь — вызывающе подчеркнутая облегающим топом.

И злость.

Голая, бешеная, почти осязаемая.

— Ты это видел?! — она буквально бросается к Логосу, размахивая телефоном так, что я на секунду боюсь — сейчас прилетит ему по лицу. — Ты, мать твою, это видел?!

Она нас не замечает.

Вообще.

Как будто мы — мебель.

— Я хочу, чтобы ты уничтожил эту тварь! — её голос срывается. — Да как она смеет?! Эта деревенская шлю... эта крыса, эта...

Словарный запас заканчивается.

Начинается мат.
И такой плотный, сочный, изобретательный, что я невольно приподнимаю брови.
Макс рядом со мной тихо присвистывает.
— Слушай, — шепчет он почти мне в ухо, — я даже немного впечатлён.
Его дыхание касается моей кожи.
И это ощущение вдруг оказывается слишком... заметным.
Я чуть отстраняюсь.
— Катя, — Логос морщится, будто у него разболелась голова, — заткнись на секунду и скажи нормально, что случилось. Я ни черта не понимаю.
— Вот! — она практически тычет ему телефон в лицо. — Вот эта мразь!
Я бросаю взгляд на экран.
И понимаю.
— Алиса Кис, — вырывается у меня тихо.
— Да! — Катя резко поворачивается ко мне, впервые замечая моё существование. — Вот именно! Эта силиконовая ведьма!
— Вообще-то она как раз без силикона, — машинально замечаю я.
Макс хмыкает.
Логос криво улыбается.
Катя переводит взгляд с него на меня.
И оценивает.
Долго.
Сверху вниз.
Снизу вверх.
В её глазах — раздражение и... ревность?
Интересно.
— Завидует мне и врёт обо мне постоянно! — снова взрывается она. — Я хочу, чтобы ты её заткнул, понял? Сделал так, чтобы она больше рот не открывала!
— Насколько я знаю, — лениво тянет Логос, откидываясь на спинку дивана, — Кис выкладывает только проверенную инфу. Она за свою репутацию зубами держится.
Пауза.
Секунда.
И...
— Да ты охренел?! — Катя почти визжит. — Ты на чьей стороне вообще?!
— На стороне здравого смысла, — спокойно отвечает он. — Редко там бываю, но иногда заглядываю.
Я едва сдерживаю улыбку.
Макс тихо смеётся.
Катя этого не выносит.
— Заткни её рот, Логос! — она уже почти трясётся. — Деньги дай, припугни, да хоть убей её, мне плевать! Я не позволю какой-то блогерше уничтожить мою репутацию!
— С твоими талантами, — сухо замечает он, — ты и сама с этим прекрасно справляешься.
О.
Это было жёстко.
Я невольно смотрю на него внимательнее.
Он делает это специально.
Провоцирует.
Ломает.
И наслаждается процессом.

Катя открывает рот.
Закрывает.
И взрывается снова — уже такой тирадой, что даже мне становится неловко.
— Пойдём, — тихо говорит Макс, беря меня за локоть.
Его пальцы скользят по моей коже чуть дольше, чем нужно.
Тёплые.
Уверенные.
Я не сопротивляюсь.
Мы выходим в коридор, и дверь за нами захлопывается, обрывая поток криков.
Тишина.
Наконец-то.
Я выдыхаю.
— Извини, — говорит Макс, проводя рукой по затылку. — Я правда думал, всё будет...
иначе.
— Да брось, — улыбаюсь я. — У всех есть странные друзья.
Он смотрит на меня с лёгким недоверием.
— Странные?
— Ну хорошо, — пожимаю плечами, — психованные, токсичные и громкие.
Он смеётся.
— Эта Катя — вообще отдельный жанр. Она может найти проблему даже там, где её нет.
— Зато у них, похоже, очень страстные отношения, — невинно замечаю я.
Он останавливается.
Смотрит на меня.
— Ты сейчас серьёзно?
Я улыбаюсь шире.
— А что? Скандалы, крики, угрозы... звучит как бурная личная жизнь.
Он качает головой, но уголки его губ подрагивают.
— По-моему, после таких сцен единственное желание — это сбежать.
— Согласна, — киваю я. — Кстати, поздравляю.
— С чем?
— Это было самое странное свидание в моей жизни.
Он делает вид, что задет.
— Эй, у меня ещё есть шанс исправиться! Тут рядом отличный ресторан, я клянусь — там никто не будет кричать, угрожать убийствами и размахивать телефоном.
— Звучит подозрительно, — хмыкаю я.
Он подходит чуть ближе.
Слишком близко.
Я чувствую тепло его тела, его запах — теперь уже смешанный с лёгким адреналином, с чем-то более тёмным.
— Ник, — его голос становится тише, — дай мне шанс.
Я сглатываю.
— Макс... я устала.
Это правда.
И не только от вечера.
— Мой водитель уже приехал.
Он хмурится.
— Ты его вызвала?
— Да. В тот момент, когда начался этот спектакль.
Он проводит рукой по волосам.

— Ладно. Но давай поужинаем в другой раз. Обещаю — всё будет скучно, предсказуемо и... максимально безопасно.

— Банально и консервативно, — уточняю я, поднимая палец.

— Именно.

Мы смеёмся.

И вдруг он берёт меня за руку.

На этот раз — медленнее.

Осознаннее.

Его пальцы переплетаются с моими, и это уже не просто жест помощи.

Это... контакт.

Я чувствую, как тепло разливается по коже, поднимается выше, к запястью, к плечам.

Слишком остро.

Слишком неожиданно.

— Ник, — тихо говорит он, — я правда хочу увидеть тебя ещё раз.

Я смотрю на него.

В его глазах нет привычной бравады.

Нет игры.

Только ожидание.

И что-то ещё.

Я не хочу обещать.

Не хочу снова впускать кого-то.

Но...

— Окей, — выдыхаю я. — Но если это будет не банально и не консервативно — я сбегу.

Он улыбается.

Медленно.

— Рискну.

И, чёрт возьми,

мне кажется,

он уже выигрывает.

Глава 4

— Ну не суди его слишком строго, мальчик старается! Ай, чёрт, подожди... чуть кипятка себе на ногу не разлила, — слышу, как Марина шуршит чем-то на другом конце провода, вполголоса ругаясь. — Всё, локализовала катастрофу. О чём мы? А, да... Ник, иди на второе свидание. Это даже не считается полноценным первым, раз ты не можешь назвать его «заносчивым придурком», как собиралась. А значит, наша сделка недействительна.

— Надо было мне заключить пари с дьяволом, а не с тобой — было бы проще его выиграть, — выдыхаю я, лавируя между стеллажами. — Кстати, ты уже купила подарок Георгию? — Кто это?

Я останавливаюсь посреди отдела с плюшевыми медведями и закатываю глаза.

— Марин, ты издеваешься? Георгий, алло! Трёхлетний сын Саломе. Нашей подруги. Той самой, которая грохнулась перед фейсконтрольщиком и разбила колени, когда мы первый раз шли в клуб.

— М-м... что-то такое припоминаю, — лениво усмехается Марина.

— Ну серьёзно, ты уже что-нибудь купила? Она же пригласила нас сегодня вечером, а я уже час брожу по «Детскому миру», пока мы с тобой разговариваем. Мне кажется, продавцы на меня странно смотрят... как будто я выбираю себе ребёнка по симпатичнее.

— Мир мамочек никогда нас не примет, — смеётся Марина. — Я вообще слишком люблю выпить. Боюсь, какой-нибудь добросердечный сосед настучит на меня, и я лишусь родительских прав, даже не успев их получить.

— Ты поэтому детей не заводишь?

— Угу. А ещё потому, что знаю Георгия.

Я невольно прыскаю, ловя на себе неодобрительные взгляды нескольких мамочек. Они смотрят на меня так, будто я смеюсь в храме, а не в магазине игрушек.

— Марин, он не так плох, честное слово.

— Ник, ты помнишь мою собаку?

— Ту, что за месяц сожрала три пары твоих брендовых туфель?

— Бинго. Но её урон — детский лепет по сравнению с разрушителем-Георгием. Этот маленький террорист превратил мою «Шанель» в арт-объект за десять минут. И принёс ущерб в три раза больше, чем собака за месяц.

— Насколько я помню, Давид тебе всё возместил, — смеюсь я, проводя пальцами по гладкой поверхности коробки с конструктором.

— Дело не в деньгах, — неожиданно серьёзно отвечает Марина. — А в том, что я тогда поняла: в какой-то момент придётся выбирать — либо дети, либо мой гардероб.

— О, сложный выбор, — усмехаюсь я. — Даже не знаю, что перевесит.

— Вот и я не знаю. Поэтому советую: купи Георгию «Шанельку». Судя по всему, он тоже неравнодушен к телячьей коже.

Я тихо смеюсь, прикусывая губу.

— Всё, я отключаюсь, пока ты не заразила меня своим полным отсутствием материнского инстинкта.

— Чао, зай. И присмотри там что-нибудь своему новому бойфренду, кстати.

Она сбрасывает звонок, не давая мне ответить, как обычно. Я опускаю телефон и какое-то время просто стою среди бесконечных рядов игрушек.

Господи... когда я была ребёнком, мир уже изменился, но не настолько. Сейчас это не магазин — это вселенная, где у каждого ребёнка есть шанс стать избалованным монстром. От этого разнообразия кружится голова. И, если честно, немного тревожно: как вообще можно выбрать что-то одно, когда вокруг — всё?

Я машинально провожу пальцами по коробке, задумчиво скользя по глянцевой поверхности. В голове крутятся мысли — о Марине, о вчерашнем вечере, о том, как рука Макса лежала на моей талии чуть дольше, чем нужно... и как от этого неожиданно тепло разливалось под кожей.

— Не знал, что у тебя есть ребёнок.

Голос за спиной заставляет меня вздрогнуть.

Я оборачиваюсь — и, конечно же.

Он.

Тёмные очки, капюшон, чёрная одежда — будто человек решил слиться с собственной репутацией.

— Думаешь, этот маскарад тебе поможет? — изгибаю я бровь, скрещивая руки на груди.

— А чем он плох? — лениво усмехается он, чуть наклоняя голову.

Я невольно отмечаю, как линия его челюсти напрягается под мягким светом ламп. Чёрт, даже в этом нелепом наряде он умудряется выглядеть... притягательно. Опасно притягательно.

— Логос, если ты наденешь костюм-тройку и снимешь все свои золотые цацки — вот тогда, возможно, тебя не узнают, — устало говорю я. — А в очках и балахоне ты выглядишь ровно так же, как на сцене. Даже хуже — как карикатура на самого себя.

Он смеётся — тихо, но с тем самым хрипловатым оттенком, от которого по коже пробегают лёгкая дрожь.

— Жёстко, — произносит он, чуть склоняясь ближе. — Мне нравится.

Слишком близко.

Я чувствую его запах — терпкий, тёплый, с чем-то древесным. Он обволакивает, цепляется за дыхание, заставляя на долю секунды потерять концентрацию.

Чёрт.

Я отступаю на шаг, делая вид, что рассматриваю соседнюю полку.

— Не обольщайся, — бросаю я. — Это не комплимент.

— А жаль, — отвечает он, скользя взглядом по мне так открыто, что хочется то ли ударить его, то ли... отвернуться, чтобы не выдать реакцию.

Я сжимаю пальцы сильнее, чем нужно.

Опасный человек.

И, кажется, он это прекрасно знает.

Он громко смеётся, привлекая к нам лишнее внимание, и я нервно оглядываюсь по сторонам, совершенно не желая, чтобы меня заметили рядом с этим персонажем. В детском магазине, среди плюшевых зайцев и пластиковых грузовиков, он выглядит как чужеродный элемент — слишком тёмный, слишком взрослый, слишком... настоящий.

— Так что ты здесь ищешь? — спрашивает он, понижая голос до заговорщического шёпота и слегка наклоняясь ко мне. — Запрещенку я тут не толкаю, Ника.

Я фыркаю, скрещивая руки на груди, хотя чувствую, как от его близости внутри что-то неприятно, но знакомо сжимается.

— Я даже не сомневаюсь, что ты знаешь все места, где её можно достать, так что поверю на слово, — хмурюсь я. — Ищу подарок на день рождения сыну подруги. Но, кажется, окончательно потерялась в этом розово-пластиковом аду.

— Сколько лет ребёнку? — деловито уточняет он, словно мы обсуждаем контракт, а не игрушки.

— Три. И у него уже есть абсолютно всё. Я даже думала о билетах в Диснейленд... но, кажется, для этого немного рановато.

— Иди за мной.

Он не спрашивает — просто разворачивается и идёт, уверенный, что я последую. И, что раздражает больше всего, я действительно иду за ним.

Мы проходим вдоль рядов, поднимаемся на другой этаж, где пространство захватывают коробки с конструкторами. Пластик, яркие цвета, идеально выстроенные миры, в которых всё подчиняется логике.

— Лего? — скептически произношу я, останавливаясь рядом.

— Мой сын был в восторге от этой серии пару лет назад, — говорит он, указывая на коробки с машинами. — Поверь, нет ни одного мальчишки, которому не нравятся тачки. Бери — не прогадаешь.

Я беру одну коробку в руки, ощущая её вес, и невольно провожу пальцами по глянцевой поверхности.

— Не знаю... — тяну я. — Это не слишком банально?

Он смотрит на меня так, будто я только что задала самый странный вопрос в его жизни.

— Ника, скажи честно, тебе в детстве вообще что-нибудь не нравилось?

— Да. Я ненавидела мягкие игрушки, набитые синтепоном.

Он усмехается, уголок губ чуть поднимается.

— Ты была избалованной девочкой.

— Да не сказала бы, — пожимаю плечами. — Просто у меня был вкус.

Он тихо смеётся, и этот звук неожиданно мягкий, почти тёплый.

— Современные дети всё равно выбирают сами. Но иногда им просто нужно дать нормальную вещь, а не философию выбора.

— А если ему не понравится? — упрямо спрашиваю я.

— Тогда ты сможешь сказать мне, что я идиот и ни черта не понимаю.

Я прищуриваюсь, глядя на него.

— Слишком щедрое предложение.

— Пользуйся.

Я тяжело вздыхаю. Чёрт. У него есть сын. Значит, он действительно разбирается в этом лучше меня. И, если быть честной, я уже устала выбирать.

— Ладно. Беру эту.

Я тянусь к коробке, но он перехватывает её быстрее — легко, почти небрежно, словно это само собой разумеется.

— Пойдём, я как раз шёл на кассу, когда увидел твоё выражение лица.

— Я не выглядела потерянной, — возмущаюсь я, идя рядом.

— Да, конечно. Всего лишь лёгкая паника, замаскированная под уверенность.

— Очень смешно.

Мы подходим к кассе. Он быстро выкладывает свои покупки и мою коробку, не обращая ни малейшего внимания на мои протесты.

— Логос, не надо—

— Надо.

Коротко. Спокойно. Без вариантов.

Через минуту он уже протягивает мне пакет. Наши пальцы на секунду соприкасаются — случайно, но слишком ощутимо. Тёплая кожа, короткий импульс, от которого я почему-то не сразу отдёргиваю руку.

— Держи, — говорит он. — Потом расскажешь, зашло или нет.

Я смотрю на пакет, потом на него.

— Логос, зачем ты это сделал?

Он делает паузу, будто решает, отвечать или нет.

— Артём.

— Что? — моргаю я.

— Меня зовут Артём, — спокойно повторяет он, снимая очки и впервые глядя прямо, без этого привычного барьера. — Я купил, потому что могу. И потому что у меня тут скидка — спасибо сыну.

Он чуть склоняет голову, разглядывая меня внимательнее, чем раньше.

— И вообще, Ника... иногда можно позволить людям делать что-то хорошее. Не выискивая подвох в каждом жесте.

Я молчу.

Слова простые, но почему-то цепляют сильнее, чем должны.

— Кто-то делает это просто так, — добавляет он тише. — Не обязательно всё должно иметь второе дно.

Он разворачивается и уходит так же быстро, как появился — уверенно, не оглядываясь.

А я остаюсь стоять посреди детского магазина с пакетом в руках, всё ещё ощущая лёгкое тепло в пальцах и странное, непривычное чувство внутри.

И больше всего меня сбивает не то, что он заплатил.

А то, что он назвал своё имя.

Саломе Аданая всегда была для меня загадкой — словно собранной из двух совершенно разных женщин, каким-то чудом уживающихся в одном теле.

Одна — идеальная. Та самая «правильная» версия Саломе: жена Давида, друга моего покойного мужа, внимательная, мягкая, почти безупречная. Мать Георгия, в котором она души не чаяла. Женщина, способная писать такие стихи, что под ними собирались сотни комментариев в её инстаграме — восторженных, благодарных, иногда даже слишком личных. В этих строках она была тихой, глубокой, почти прозрачной — как будто вся её буря была аккуратно разложена по словам.

С Давидом они познакомились в самом начале наших отношений с Игорем. Тогда я ещё немного его побаивалась и просила: «Возьми с собой друга», — устраивая двойные свидания, чтобы чувствовать себя увереннее. И вот на одном из таких вечеров всё и случилось. Саломе и Давид посмотрели друг на друга — и будто что-то щёлкнуло. Никакой игры, никаких долгих ухаживаний. Просто искра. Чистая, мгновенная, почти пугающая своей очевидностью.

Они больше не расставались.

Георгий появился уже через год после знакомства. Свадьбу сыграли, когда Сола была на шестом месяце — под давлением многочисленных кавказских родственников, которые с обеих сторон трагически охали, что ребёнок родится вне брака. Я помню, как Саломе тогда закатывала глаза, а Давид только улыбался, спокойно принимая этот хаос как неизбежную часть жизни.

Но была и другая Саломе.

Та, о которой не писали стихи.

Та, которую нельзя было уложить в рамки «идеальной жены».

В студенческие годы она жила на пределе — эмоций, телесности, свободы. Меняла партнёров с той же лёгкостью, с какой меняла настроение, и никогда этого не стыдилась. В ней было что-то дикое, тёмное, притягательное — и, кажется, Давид увидел это сразу.

И принял.

После замужества эта сторона не исчезла — она просто стала... тоньше. Скрытнее. Саломе нашла для неё выход в танцах на пилоне, где её тело снова становилось языком — гибким, сильным, почти гипнотическим. Иногда они с Давидом исчезали на ночь — без объяснений, без подробностей. Возвращались спокойные, довольные, будто между ними существовал какой-то свой, закрытый мир.

Мы не спрашивали. Но, конечно, обсуждали.

— Это же очевидно! — уверенно заявляла Марина, потягивая вино. — Вспомните, какой она была. Думаете, это исчезает после свадьбы? Да ни хрена. Темперамент не выветривается, его просто прячут. Уверена, Давид такой же. На этом они и сошлись.

— Тогда почему она нам не говорит? — спорила Таня. — Мы же всё друг другу рассказываем.

— Потому что теперь это не только её секрет, — закатывала глаза Марина. — Давид — серьёзный бизнесмен. Ему лишние слухи не нужны. А если кто-то узнает... пресса, репутация, политика — всё, до свидания. Так что молчит она не потому, что не доверяет, а потому что нельзя.

— Не знаю... — тянула Таня. — Они выглядят такой интеллигентной парой...

— А ты думала, свингеры по городу ходят и трусами машут? — фыркала Марина. — У меня такие клиенты были — приличнее некуда. Один меня даже звал с собой. Я отказалась, если что.

— Я думала, ты любишь эксперименты, — усмехнулась я тогда.

— Люблю, — кивнула она. — Но в пределах двух тел. Всё, что больше — уже не моя территория.

Я невольно улыбаюсь, вспоминая этот разговор, и нажимаю кнопку домофона. Ворота мягко открываются почти сразу.

Семья Аданая давно переехала за город — в просторный дом, где, кажется, хватило бы места для небольшой гостиницы. Шестьсот квадратных метров, но благодаря Саломе и её дизайнеру он не выглядит холодным или показным. Напротив — тёплый, живой, наполненный светом и деталями.

— Ты первая, Ник! — Саломе встречает меня на пороге, целует в щёку.

Мне приходится чуть наклониться — она по-прежнему миниатюрная. После родов немного округлилась, но это только добавило ей мягкости. Есть женщины, которым идут формы — и она из них. В ней появилась какая-то особая, спокойная чувственность, почти домашняя... но я-то знала, что это только половина правды.

— Налить тебе что-нибудь? — спрашивает она, направляясь на кухню.

Кухня — отдельная история: огромная, современная, с островом посередине, где можно было бы устроить небольшой приём.

— Нет, спасибо, рано ещё, — отвечаю я, следуя за ней.

— А я начну, — усмехается она, наливая себе вино. — Детский день рождения — один из немногих поводов выпить. Скажи мне об этом кто-нибудь пять лет назад, я бы рассмеялась ему в лицо.

— Где Георгий? — киваю в сторону прихожей. — Я привезла подарок, хочу поздравить.

— О! — её глаза тут же загораются. — Ты попала в точку, он обожает эту серию! Спасибо, Ник. Он сейчас в игровой с няней. Не против, если я позову его, когда все соберутся?

— Конечно.

Я делаю паузу, затем добавляю:

— Честно говоря... подарок я выбрала не совсем сама. Мне помогли.

— В смысле? — Саломе приподнимает бровь, делая глоток вина.

Я коротко рассказываю ей о встрече в магазине. По мере моего рассказа её выражение лица меняется — от удивления к чему-то более внимательному, почти изучающему.

И в какой-то момент она смотрит на меня так, будто знает чуть больше, чем я сказала.

— Надо же, никогда бы не подумала, что у него есть дети, — протягивает она, задумчиво покручивая бокал в пальцах. — Не особо слежу за звёздами, но он не производит впечатление... ответственного человека.

Я усмехаюсь краешком губ, чувствуя, как прохладное стекло моего стакана приятно охлаждает ладонь.

— А что там с Максом? Вы уже встретились во второй раз?

— Нет, — я пожимаю плечами, стараясь, чтобы это выглядело безразлично, — по правде говоря, он так и не позвонил за три дня. Может, и сам понял, что раз не заладилось с самого начала, то и пытаться не стоит.

— А может, у него какие-нибудь дела, — с наигранной серьёзностью отвечает Саломе. — Он всё-таки суперзвезда.

— Ай!

Я тыкаю её пальцем в ребра, и она взвизгивает, расплёскивая смех по кухне.

— Ладно, ладно, — поднимает она руки, — сдаюсь. Но я правда думаю, что он ещё объявится. Я только так и не поняла — он тебе понравился или нет?

Я на секунду замираю. Перед глазами всплывает его взгляд — слишком уверенный, слишком внимательный. И то, как он наклонился ближе, чуть дольше, чем нужно... словно проверяя границы.

— Ну... он вроде приятный, — говорю я медленно. — И старается быть милым. Мне даже показалось, что за его маской плейбоя скрывается что-то большее.

— О-о, — Саломе вытягивает губы, — это уже не «нет». Это уже «опасно интересно».

Мы обе смеёмся, но внутри у меня что-то неприятно шевелится. Не из-за Макса. Из-за того, что я вообще об этом думаю.

В этот момент открывается входная дверь, и по мраморному полу раздаётся уверенный стук каблуков.

— Где мой любимый спиногрызик? — Чёрная влетает в дом, на ходу снимая солнечные очки. — Тётя Марина захватила свою любимую сумочку в честь его дня рождения.

Мы с Саломе переглядываемся и дружно прыскаем.

— Марин, сколько можно это вспоминать?

— Минуточку. Налей мне тоже, — она тыкает идеально отполированным ногтем в бутылку. — Сол, а когда ты простишь ту девицу, которая пролила на своё белое платье бокал красного вина у тебя на свадьбе?

— Сомневаюсь, что это возможно, — усмехается Саломе.

— Ну вот и у меня с Георгием так же. Простить-то я простила... — Марина делает паузу, лукаво прищурившись, — но уже представляю, как припомню это на его совершеннолетию.

Я невольно улыбаюсь. В Марине всегда было что-то освобождающее — её цинизм, её лёгкость, её способность превращать даже обиду в шутку.

— Ник, ты уже сходила к Наталье Вадимовне? — вдруг спрашивает Саломе.

— К кому? — не понимает Марина.

— Это психолог, она очень помогла моей маме справиться со смертью отца, — мягко поясняет Саломе.

— Хочешь отправить её к очередному мозгоправу? — фыркает Чёрная.

«Очередному».

Слово неприятно царапает внутри.

Она права. За последний год я обошла, кажется, всех более-менее авторитетных специалистов в Москве. Но всё заканчивалось одинаково — максимум вторая встреча. Я не могла. Не могла вытащить наружу то, что гнило внутри. Не могла произнести его имя вслух, не ощущая, как будто меня разрывает пополам.

И каждый раз — бегство.

— Ещё нет, — вздыхаю я. — Мы можем не говорить об этом сегодня?

— Ник, — Саломе накрывает мою руку своей. Её пальцы тёплые, уверенные. — Я прошу тебя сходить к ней хотя бы один раз. Ради меня.

Я опускаю взгляд на наши руки. Её — живую. Мою — будто чужую.

— Я знаю, что ты сделала, — тихо продолжает она. — Ты закопала боль внутри, но не отпустила её. И теперь она разъедает тебя изнутри.

Я сглатываю.

— Я знаю, о чём говорю. Отец ушёл из жизни чуть раньше Игоря. И мама прошла через то же самое. Наталья Вадимовна — единственная, кто смог поставить её на ноги.

Имя бьёт точно в грудь.

Игорь.

Даже мысленно произносить его всё ещё больно.

— Сол, я не уверена, что от этого будет толк, — хмурюсь я. — Я обошла лучших. И никто не смог помочь. Я просто... устала.

— Сходи ради меня! — её голос становится твёрже. Это редкость. — Я не отстану, пока ты не пообещаешь.

Я поднимаю глаза. В её взгляде — тревога, почти страх. За меня.

И вдруг становится невыносимо стыдно.

— Ладно, — тихо говорю я. — Один сеанс.

Она облегчённо выдыхает и сжимает мою руку сильнее.

— Этого будет достаточно, чтобы она тебя зацепила.

— Так и знал, что застану вас на кухне, — в дверях появляется Давид, и его голос разрезает напряжение. Он по очереди обнимает нас с Мариной. — Пойдёмте, там уже три машины на подъезде. Устроим Георгию сюрприз.

— А клоуны будут? — тут же оживает Марина.

— Ну тебя же пригласили, — хмыкает он, обнимая её за плечи.

— Он мне всегда нравился, — шепчет Марина, кивая на него, как только он отходит.

Дом быстро наполняется людьми, голосами, смехом. Дети наверху носятся так, будто там не детская, а стадо разъярённых бегемотов. Воздух становится густым — от духов, еды, чужих эмоций.

И от жизни.

Слишком много жизни.

Через несколько часов внутри начинает подниматься знакомое чувство. Сначала — лёгкое напряжение. Потом — шум. Потом — будто кто-то медленно выкручивает звук мира до максимума.

Я перестаю слышать, что мне говорят.

Я только хочу уйти.

Сбежать.

Я целую Георгия в макушку, обнимаю Саломе и Давида, что-то обещаю — приехать, позвонить, не пропадать.

Ложь, которой удобно прикрываться.

Уже на улице сталкиваюсь с Мариной. Она стоит на веранде, курит, облокотившись на перила. Вечерний воздух касается кожи прохладой, и я вдруг остро чувствую своё тело — как будто проснулась.

— Уходишь?

— Угу. Поеду домой. Устала.

Она смотрит на меня внимательно, чуть прищурившись.

— Или опять этот твой приступ?

— Марин... — я опускаю глаза. — Я когда-нибудь справлюсь. Наверное. Но пока... как есть.

Она затягивается, медленно выдыхает дым. Запах табака ударяет в голову — резкий, почти сладкий. И внизу живота неожиданно тянет странным, забытым ощущением. Тело помнит то, что разум давно запретил.

— Тебе есть чем прикрыться, — усмехается она.

— Считаешь, что я симулирую?

— Считаю, что у твоего состояния есть свои бонусы, — пожимает она плечами. — Например, возможность красиво сбегать с детских праздников.

Я невольно улыбаюсь.

Она наклоняется, целует меня в щёку. Её губы тёплые, чуть влажные, пахнут вином и ментолом.

— Береги себя.

— Ты тоже.

Когда мы с Петей выезжаем на трассу, я смотрю в окно. Небо ещё светлое. Даже нет шести.

И вдруг я понимаю — я трезвая.

Абсолютно.

И слишком живая.

Импульс приходит резко.

Я достаю телефон, даже не обдумывая, нажимаю вызов.

— Да? — глубокий женский голос звучит спокойно. Почти ожидающе.

— Наталья Вадимовна?

— Да, это я.

— Меня зовут Вероника. Саломе Аданая дала мне ваш контакт.

Короткая пауза.

— Я слышала о вас, Вероника. Хотите записаться на приём?

Я смотрю на своё отражение в стекле. Глаза — чужие. Глубже. Темнее. Живые.

— Да... — тихо отвечаю я. — Наверное, да.

— У меня есть окно через полтора часа. Цветной бульвар. Успеете?

Я ловлю взгляд Пети в зеркале. Он кивает.

— Успею.

— Тогда до встречи.

— До встречи.

Я опускаю телефон и впервые за долгое время чувствую не только страх.

Но и странное, почти опасное предвкушение.

Словно что-то во мне... просыпается.

Глава 5

Я сижу на своей кухне за барной стойкой. В руке — ручка, перед глазами — чистый лист бумаги, и я абсолютно не понимаю, какого чёрта собираюсь делать.

Наталья Вадимовна очень быстро развеяла мои опасения насчёт того, что начнёт лезть ко мне в душу и вытаскивать наружу всё, что я так тщательно запираю внутри. К моему удивлению, большую часть времени говорила она. Спокойно, уверенно, почти убаюкивающе.

Про какие-то отделы мозга. Про реакции. Про защитные механизмы.

Если честно, я не поняла ни слова.

В какой-то момент мне даже показалось, что я снова студентка, провалившаяся на экзамен, и сейчас меня попросят написать эссе на тему «как вы поняли всё, что вам только что объяснили».

— Пишите ему письма каждый день, — произнесла она вдруг.

Я моргнула.

— Кому?

— Игорю. Вашему мужу.

У меня внутри что-то сжалось.

— И... о чём я должна писать? — голос предательски дрогнул.

— Да о чём угодно, — она развела руками, будто это было самым простым в мире заданием. — Хотите — про десерт, который вам понравился. Хотите — новости о друзьях. Или о том, как прошёл ваш день.

Она чуть подалась вперёд.

— Единственное правило — писать каждый день. От руки. Хотя бы пару предложений. С обращением и прощанием.

— И я должна отправлять эти письма вам?

— Ни в коем случае, — мягко покачала головой Наталья. — Мне вы будете просто писать одно слово: «сделала». Так я буду знать, что вы не сбежали. Встречаться будем раз в две недели.

Сбитая с толку, я согласилась. Слишком просто, чтобы быть эффективным. И именно поэтому — подозрительно.

И вот теперь я сижу перед этим чёртовым листом.

Пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Ручка касается бумаги — и тут же отрывается.

«Здравствуй...»

Нет.

Зачёркиваю.

«Привет. Сегодня был...»

Был что?

Я нервно выдыхаю и начинаю снова, уже быстрее, почти наугад:

«Привет. Сегодня была чудесная погода. Георгий очень подрос, тебе бы понравилось...»

Я замираю.

Слова расползаются перед глазами.

«Тебе бы понравилось».

Господи.

Что за чушь?

Я сминая листок, бросаю его в мусорное ведро и утыкаюсь лбом в ладони. Кожа под пальцами горячая, мысли — липкие, как будто я в них застряла.

Телефон звонит как раз вовремя — словно вытаскивает меня за шкуру из этого вязкого состояния. И, что важнее, не даёт встать и пойти за сигаретами, о которых я думаю последние несколько дней.

— Ника, привет! Это Макс.

Я прикрываю глаза.

— Привет.

— Что с голосом? Ты будто из-под земли говоришь.

— Примерно там я и нахожусь.

— Что? Не расслышал.

Я медленно выпрямляюсь, проводя рукой по волосам.

— Говорю, настроение чертовски плохое.

— Хочешь, приеду и подниму его тебе?

Я замираю. В голосе появляется напряжение, почти автоматическое:

— Мне сейчас нужно уловить какой-нибудь грязный подтекст?

Пауза.

— Ник, — его голос становится мягче, но в нём чувствуется раздражение, — я думал, ты оцениваешь себя выше, чем... вот это.

Я усмехаюсь, но выходит резко:

— Знаешь что, Максим—

— Прости, — перебивает он. — Я перегнул. Просто меня это напрягает. Ты мне нравишься. Я хочу провести с тобой вечер. А дальше — как пойдёт.

Я провожу пальцем по краю стола, ощущая гладкость дерева.

— Никуда дальше это не пойдёт. Сразу предупреждаю.

— Никогда не будь так уверена, — в его голосе появляется знакомая самодовольная улыбка.

И почему-то именно это... цепляет.

— Я сейчас повешу трубку и заблокирую тебя.

— Я позвоню с другого номера.

— Я не отвечаю на незнакомые.

— Тогда я буду ждать тебя в фойе подъезда. Пока не спустишься.

Я резко выдыхаю.

— Макс, чего ты хочешь?

— Я так понимаю, на ужин ты не настроена?

Я молча качаю головой, хотя он меня не видит.

— Тогда давай проще, — продолжает он. — Я куплю что-нибудь вкусное и приеду к тебе.

Я медлю. Слишком долго.

Потому что, если честно... я голодна. И ещё больше — я не хочу сейчас оставаться одна.

— Ну...

— Соглашайся, — его голос становится чуть тише, почти вкрадчивым. — У меня вино, пирожные... и пятнадцать видов роллов.

Я невольно улыбаюсь.

— Их будут слишком долго готовить. Я успею уснуть.

— Не успеешь.

Пауза.

— Я уже здесь.

— В смысле?

— Около лифта. Но охранник не хочет меня пропускать без твоего звонка.

Я резко вскакиваю с барного стула. Сердце вдруг начинает биться быстрее — слишком резко для обычного визита.

— В смысле ты около моего лифта?!
Внутри поднимается странное чувство.
Смесь раздражения... и чего-то ещё.
Опасного.
Живого.

Словно кто-то тихо стучится в закрытую дверь — и я не уверена, что хочу её открывать.
И не уверена, что смогу не открыть.

— Да, Ника, да. И замороженные фигурки на десертах уже тают, так что тебе лучше поторопиться, — он с усмешкой отключается.

— Вот же... — выдыхаю я в пустоту.

Я начинаю нервно метаться по квартире, закидывая разбросанные вещи в шкаф. Домработница приходит раз в неделю, но обычно к её следующему визиту я успеваю превратить идеальный порядок в художественный хаос.

Футболка на стуле — в шкаф. Плед с дивана — туда же. Какая-то книга — вообще не помню, откуда она.

Параллельно набираю охрану, разрешая пропустить Макса, и краем сознания думаю — успею ли хоть немного привести в порядок себя?

Ответ приходит быстро.

Нет.

Я замираю посреди комнаты, глядя на своё отражение в стеклянной дверце шкафа. Домашние штаны, растянутая майка, волосы в беспорядочном пучке.

И вдруг злюсь.

На себя.

На него.

На то, что вообще об этом думаю.

— Да и чёрт с ним, — тихо говорю я.

Выпрямляю спину, расправляю плечи и иду к двери с максимально уверенным видом, вспоминая все эти мотивационные ролики:

«Мужчинам нравится естественность».

— Естественность, но не запущенность, — ехидно подсказывает здравый смысл.

Сегодня он проигрывает.

Я открываю дверь.

Макс выходит из лифта и на секунду замирает, разглядывая меня с ног до головы.

— Миленький наряд, — хмыкает он, задерживая взгляд на моих полуспортивных штанах с собачками.

— Спасибо. Решила надеть что-нибудь в твоём стиле.

— Ауч. Это было больно.

— Не расслабляйся, — улыбаюсь я, пропуская его внутрь.

Он проходит мимо, и я на секунду ловлю его запах — лёгкий, тёплый, с чем-то древесным. Слишком приятный. Ненужный сейчас.

Мы идём на кухню.

Макс начинает выкладывать пакеты, и вскоре передо мной открывается гастрономический апокалипсис.

— Ты что, попал на какую-то акцию?

— Я не знал, какие ты любишь, — пожимает он плечами. — Поэтому взял все.

Он открывает вино — легко, уверенно, будто это часть какого-то отработанного ритуала. Его пальцы скользят по бутылке, и я неожиданно ловлю себя на том, что смотрю.

Слишком внимательно.

— Тебе повезло, что я практически всеядна, — отворачиваюсь я, делая вид, что сосредоточена на роллах.

— Редко услышишь такое от девушки, — усмехается он. — Обычно вы на свиданиях едите один салат и воздух.

— Не думаю, что твои девушки стеснялись, — спокойно отвечаю я, отправляя в рот ролл с крабом. — Скорее, они снимаются для журналов, и любая лишняя калория — угроза карьере.

— То есть ты считаешь, что мне не стоит встречаться с моделями? — хитро прищуривается он.

— Только если ты можешь позволить себе прокормить нормальную, пышную девушку.

Он смеётся — открыто, громко. И, к моему раздражению, чертовски красиво.

Слава богу, у него эти выбеленные зубы.

Иначе он и правда мог бы мне понравиться.

— Чем ты занималась сегодня?

Я рассказываю про Марину, про её демонстративную нелюбовь к детям, вызывая у него очередной приступ смеха. Вскользь упоминаю подарок Георгию... и, сама не заметив как, дохожу до Натальи Вадимовны.

И до задания.

— ...и я так и не смогла ничего написать, — заканчиваю я, ковыряя вилкой рис.

Макс вдруг становится серьёзным.

— Мне кажется, тебе стоит попробовать, Ника.

Я поднимаю на него взгляд.

— Если она помогла матери твоей подруги, значит понимает, что делает.

— Макс, если бы ты знал, какой из меня сочинитель...

— Я не думаю, что она ждёт от тебя поэмы, — перебивает он. — Давай. Бери листок.

Напишем вместе.

Я смотрю на него так, будто он предложил что-то совершенно абсурдное.

— Ты свихнулся?

— Почему?

— Даже не знаю... — медленно произношу я. — Может потому, что писать письмо мужу в компании постороннего мужчины — не лучшая идея?

Он на секунду задумывается, а потом поднимает брови:

— Хорошо. Тогда переформулируем. Писать письмо мужу... в компании друга?

Я молчу, внимательно глядя на него. Ищу подвох.

Не нахожу.

И это, пожалуй, самое подозрительное.

— Уже лучше, — усмехается он. — Давай. Начинай.

Я беру протянутую им ручку.

— И о чём мне писать?

— Если не знаешь — напиши обо мне.

Я резко поднимаю голову.

— О тебе?

— Ну да. Напиши, какой я харизматичный, внимательный... и безнадежно в тебя влюблённый.

— Может, мне лучше написать, какой ты самовлюблённый, наглый и заносчивый?

— Можно и так, — спокойно кивает он. — Видишь? У тебя уже есть тема.

Я фыркаю, но всё же наклоняюсь над листом.

Ручка касается бумаги.

И вдруг становится легче.

Слова начинают складываться сами:

«Привет, Игорь.

Пишу тебе, чтобы рассказать, какой Макс Фуг заносчивый, наглый и самовлюблённый тип. Он бы тебе не понравился.

До связи.

Твоя Вера.»

Я отодвигаю лист.

Макс тянется, читает — и начинает смеяться. Настояще, без сдерживания.

Но потом его взгляд задерживается на подписи.

Чуть дольше.

Он ничего не говорит.

И за это я благодарна.

— Ну что, — он откидывается на спинку стула, — домашнее задание выполнено?

Я киваю.

И вдруг ощущаю странное облегчение. Будто с плеч сняли что-то тяжёлое, к чему я уже успела привыкнуть.

— Отлично, — мягче говорит он. — Тогда напиши своей доброй волшебнице «сделала».

Я беру телефон, печатаю одно слово.

Отправляю.

Секунда.

Вдох.

Выдох.

— А теперь, — он встаёт, забирая бокалы, — давай посмотрим какой-нибудь хороший фильм.

Я смотрю на него.

На кухню.

На недописанные мысли, которые вдруг перестали давить.

И впервые за долгое время ловлю себя на том, что мне... спокойно.

И, возможно, даже немного хорошо.

Слишком хорошо, чтобы это было безопасно.

Мы долго выбираем фильм.

Точнее, делает вид, что выбираем.

Макс листает список, комментируя почти каждый вариант с ленивой иронией, а я больше наблюдаю за ним, чем за экраном. Как он сидит, слегка развалившись, как его пальцы быстро скользят по пульту, как он время от времени бросает на меня короткие взгляды — будто проверяет, не передумала ли я его впускать в этот вечер.

— Так, это слишком грустно, — он морщится. — Это слишком тупо. Это мы точно не выдержим...

— Ты вообще собираешься что-то включить? — не выдерживаю я.

— Уже почти. Я создаю атмосферу.

— Ага, атмосферу бесконечного выбора.

Он усмехается, но наконец останавливается на каком-то фильме.

Свет в комнате приглушён. Только экран даёт мягкое, мерцающее освещение, которое делает всё вокруг чуть нереальным.

Я устраиваюсь на диване, поджав ноги под себя. Макс садится рядом — не слишком близко, но и не так, чтобы между нами оставалось безопасное расстояние.

Диван слегка прогибается под его весом.

И это почему-то ощущается сильнее, чем должно.

Первые минуты мы действительно смотрим фильм. Я даже пытаюсь следить за сюжетом, но мысли ускользают. Слишком много отвлекающих деталей.

Его плечо почти касается моего.

Его рука лежит на спинке дивана — чуть выше, чем нужно.

И я чувствую его присутствие. Постоянно.

— Ты вообще смотришь? — тихо спрашивает он.

— Конечно.

— Тогда скажи, как зовут главного героя.

Я делаю паузу.

— ...М?

Он тихо смеётся.

— Поймал.

Я закатываю глаза, но улыбаюсь.

— Я просто устала.

— Или просто не привыкла, что рядом есть кто-то, кроме тебя самой, — говорит он чуть тише.

Я поворачиваю голову.

Он уже смотрит на меня.

Не оценивающе.

Не нагло.

Просто... внимательно.

И от этого взгляда становится чуть не по себе.

— Может, и так, — пожимаю плечами я, отворачиваясь к экрану.

Проходит ещё несколько минут.

Я тянусь за бокалом, и в тот же момент он делает то же самое. Наши пальцы сталкиваются.

Лёгкое касание.

Секунда.

Но я не убираю руку сразу.

Он тоже.

Кожа к коже — тёплая, живая. Слишком ощутимая.

Я первой отстраняюсь, делая вид, что ничего не произошло.

Сердце бьётся быстрее.

— Осторожнее, — тихо говорит он, будто это было чем-то большим, чем случайность.

— Я и так осторожна, — отвечаю я, не глядя на него.

— Не похоже.

Я чувствую, как он чуть смещается ближе. Едва заметно. Но расстояние между нами сокращается.

Я делаю глоток вина. Медленный. Слишком медленный.

— Ты всегда так... давишь? — спрашиваю я, наконец поворачиваясь к нему.

— Давлю? — он чуть склоняет голову.

— Когда чего-то хочешь.

Он не отвечает сразу.

Его взгляд скользит по моему лицу — задерживается на губах. И от этого становится жарко, хотя в комнате не изменилось ни градуса.

— Нет, — говорит он наконец. — Только когда чувствую, что это взаимно.

Я замираю.

— Ты слишком уверен в себе.

— Возможно, — он чуть улыбается. — Но я не ошибаюсь в таких вещах.

Между нами повисает пауза.

Густая.

Почти ощутимая.

Я понимаю, что сейчас — тот самый момент. Когда можно встать, отшутиться, разрядить всё.

Или...

Остаться.

Я медленно ставлю бокал на столик.

— Ты опять начинаешь, — тихо говорю я.

— Я и не прекращал.

Он наклоняется чуть ближе.

Не резко. Не навязчиво.

Даёт время отстраниться.

И это, пожалуй, самое опасное.

Потому что я не отстраняюсь.

Я чувствую его дыхание. Тёплое. Почти касающееся кожи.

Секунда.

Две.

Мир сужается до этого расстояния между нами.

И до выбора, который я всё ещё могу сделать.

И всё ещё не делаю.

Его пальцы едва касаются моей руки — словно спрашивая разрешение.

И я не отдёргиваю её.

Наоборот.

Чуть сжимаю.

Едва заметно.

Но достаточно.

Он это понимает.

И в этот момент фильм окончательно перестаёт существовать.

Он наклоняется ближе.

Не резко. Не нагло.

Оставляя мне пространство. Выбор.

И в этом — вся проблема.

Я чувствую его дыхание. Тёплое, почти касающееся кожи. Его взгляд — уже не скользящий, а зацепившийся, как будто он решил не отпускать.

Секунда.

Две.

Мир сужается до этого расстояния между нами.

До его руки на моей.

До моего сердца, которое вдруг начинает биться так громко, что, кажется, его можно услышать.

И я понимаю.

Если я сейчас не остановлюсь — я не остановлюсь уже потом.

Его пальцы чуть сильнее сжимают мою ладонь.

Почти незаметно.

Почти невинно.

Но внутри от этого движения что-то отзывается — резко, неожиданно живо. Тело предаёт быстрее, чем разум успевает выстроить защиту.

Я закрываю глаза на долю секунды.

И в этой темноте — не он.

Игорь.

Не образ даже. Ощущение.

Тёплое, родное, безусловное.

И от этого становится... не легче.

Хуже.

Я резко отстраняюсь.

Слишком резко.

Словно обожглась.

— Нет, — выдыхаю я, поднимаясь с дивана.

Макс не тянется за мной. Не хватает за руку. Только смотрит — внимательно, чуть напряжённо.

— Ника...

— Не надо, — качаю головой я, делая шаг назад. — Просто... не надо.

Я обхватываю себя руками, будто пытаюсь удержать внутри всё, что вдруг пошло трещинами.

— Я не могу, — говорю уже тише. — Не сейчас.

Он медленно выпрямляется, проводя рукой по затылку. В его взгляде мелькает что-то — разочарование? раздражение? — но он быстро это гасит.

— Это из-за него? — спокойно спрашивает он.

Я не отвечаю.

Потому что ответ слишком очевиден.

И слишком сложен одновременно.

— Ты же понимаешь, что это не предательство? — продолжает он. — Ты живая. Это нормально.

— Не для меня, — резко отзываюсь я.

Тишина падает между нами.

Тяжёлая.

Неуютная.

Я отворачиваюсь к окну, глядя в темноту, где отражается только моя собственная фигура.

Размытая.

Чужая.

— Прости, — говорю я наконец. — Я... правда думала, что смогу.

— Ты и сможешь, — тихо отвечает он. — Просто не со мной сегодня.

Я закрываю глаза.

В этом «не со мной» почему-то больше понимания, чем в любых правильных словах.

И от этого становится ещё сложнее.

— Я вызову тебе такси, — добавляю я, не оборачиваясь.

— Не надо. Я сам.

Я слышу, как он берёт куртку, как тихо звякают ключи. Как открывается дверь.

Пауза.

— Ника, — говорит он уже у выхода.

Я оборачиваюсь.

— Ты не обязана оставаться в прошлом только потому, что боишься выйти из него.

Я ничего не отвечаю.

Он смотрит ещё секунду.

И уходит.

Дверь закрывается.

Тихо.

Слишком тихо.

Я остаюсь одна.

В комнате всё ещё чувствуется его запах. Вино, еда, тепло чужого присутствия.

И моё собственное тело, которое всё ещё помнит его близость.
Я медленно опускаюсь обратно на диван.
Смотрю на выключенный экран.
На пустые бокалы.
На свою руку.
Ту самую, которую он держал.
И вдруг понимаю — дело не в том, что я не могу.
А в том, что если позволю себе почувствовать это снова...
Мне придётся отпустить то, за что я держалась всё это время.
Я закрываю лицо руками.
И впервые за долгое время не знаю, что страшнее.
Остаться.
Или наконец пойти дальше.
Ночью квартира слишком тихая.

Так тихо, что слышно, как в голове продолжают спорить мысли, которые давно пора было выгнать.

Я долго сижу на кухне, не включая свет. Только холодный отблеск улицы ложится на стол, на пустой лист бумаги, на мои руки.

Игорь.
Имя больше не режет так остро.
Теперь оно просто... тянет.
Я беру ручку.
На этот раз не думаю.
Пишу.
«Привет, Игорь.
Сегодня ко мне пришёл человек, который слишком много улыбается и слишком мало спрашивает разрешения.
Он принёс роллы. Пятнадцать видов.
Сказал, что не знал, что я люблю.
Наверное, он вообще не любит не знать.»
Я останавливаюсь.
Смотрю на строчки.
И вдруг усмехаюсь сама себе.
«Я не знаю, зачем тебе это рассказываю.
Наверное, потому что с тобой было проще молчать.
А с ним... слишком шумно внутри.»
Пальцы замирают.
Я долго не пишу следующую строку.
Потом добавляю:
«Я почти забыла, как это — когда кто-то рядом и тебе не хочется убежать.»
Ручка висит над бумагой.
И опускается.
«Почти.»
Я ставлю точку.
Долго смотрю на неё.
Потом аккуратно пишу внизу:
«Твоя Вера.»
И только после этого позволяю себе выдохнуть.

Утро начинается слишком обычным.
И в этом есть что-то подозрительное.
Телефон молчит.
Я пью кофе, стоя у окна, и ловлю себя на том, что проверяю экран чаще, чем нужно.
Глупо.
Потому что я знаю, что он не обязан писать.
И всё же...
Сообщение приходит ближе к обеду. От Макса.
«Ты жива?»
Я смотрю на экран слишком долго.
Потом печатаю:
«К сожалению, да.»
Ответ приходит почти сразу.
«Плохой старт дня. Исправим?»
Я прищуриваюсь.
Пальцы висят над клавиатурой.
«Ты опять где-то рядом?»
«Нет. Но могу стать рядом.»
Я невольно усмехаюсь.
И в этой усмешке раздражение смешивается с чем-то ещё.
Лёгким.
Опасным.
«У меня работа», — пишу я.
«Я умею не мешать. Иногда.»
Я ставлю телефон на стол.
Не отвечаю.
Но он остаётся на виду.
Как будто ждёт.
Как будто знает, что я всё равно посмотрю снова.
Вечером, когда я уже почти убеждаю себя, что всё вернулось в норму, приходит ещё одно сообщение.
«Я не давлю вчерашним вечером. Но ты убежала не от меня.»
Я застываю.
Смотрю на экран.
Долго.
Слишком долго.
И впервые за день чувствую не раздражение.
А тихую, неприятную правду внутри:
он прав.
Я убегаю не от него.
Я убегаю от себя рядом с ним.
И это хуже.
Гораздо хуже.
Я блокирую экран.
И всё равно не убираю телефон далеко.
Вечером он всё-таки приезжает.
Без предупреждения.

«Я внизу». Просто сообщение:

Я стою у окна несколько секунд, не двигаясь. Смотрю вниз, на знакомую фигуру у подъезда. Он не торопится. Не давит. Просто ждёт.

И это почему-то хуже.

Я беру куртку и спускаюсь.

Лифт едет слишком медленно, будто специально растягивая момент.

Когда двери открываются, он уже смотрит на меня.

— Ты не умеешь предупреждать? — спрашиваю я вместо приветствия.

— Ты не умеешь отвечать вовремя, — спокойно парирует он.

Я фыркаю, но уголок губ предательски дёргается.

Он делает шаг ближе — и на секунду просто смотрит. Не оценивающе. Не нагло. Как будто считает, в каком я состоянии сегодня.

— Ты выглядишь лучше, чем вчера, — говорит он тише.

— Это комплимент или диагностика?

— Это наблюдение.

Мы поднимаемся вместе.

В лифте тесно. Слишком.

Я чувствую его рядом — не касаясь, но так, будто пространство между нами уже не совсем принадлежит мне.

Он не трогает меня.

И именно поэтому это ощущается сильнее.

Когда двери открываются, я пропускаю его вперёд.

В квартире он ведёт себя так, будто уже был здесь раньше. Снимает куртку, кладёт её на спинку стула, проходит на кухню.

— У тебя всегда так тихо? — спрашивает он, открывая воду.

— Обычно да.

— Похоже на побег от жизни.

— Или на комфорт.

Он усмехается, но ничего не отвечает.

Я наблюдаю за ним и злюсь на себя за это.

Он поворачивается.

— Ты опять не ела нормально?

— Ты теперь мой врач?

— Я внимательный.

— Опасное качество, — хмыкаю я.

Он делает шаг ближе.

Медленно.

Не навязываясь.

Останавливается на расстоянии, которое уже нельзя назвать случайным.

— Можно? — тихо спрашивает он.

Я не сразу понимаю.

— Что?

Он не отвечает словами.

Просто поднимает руку и убирает прядь моих волос за ухо.

Легко.

Почти осторожно.

Но от этого жеста по коже проходит что-то слишком живое.

Я не отстраняюсь.

И он это чувствует.

Пальцы задерживаются у виска на секунду дольше. Затем едва касаются щеки — почти не касаются, но я всё равно чувствую это прикосновение как факт.

Он наклоняется и целует меня в щёку.

Мягко.

Коротко.

Без давления.

Без продолжения.

И в этом — самое опасное.

Я закрываю глаза на долю секунды.

Когда открываю — он уже отступил.

Смотрит.

Слишком спокойно.

Слишком внимательно.

— Я не останусь сегодня, — говорит он.

Я киваю слишком быстро.

— Хорошо.

Пауза.

Он чуть усмехается.

— Ты сейчас врёшь или защищаешься?

— Это одно и то же, — отвечаю я.

Он кивает, будто принимает ответ.

— Тогда не буду мешать.

Берёт куртку.

И уже у выхода останавливается.

— Но я рядом.

И уходит.

Я долго стою посреди комнаты.

Слишком долго для человека, который «ничего не чувствует».

Квартира кажется пустой сильнее, чем обычно.

Я включаю свет в спальне, потом в гостиной — просто чтобы заполнить тишину.

Проходит, наверное, час.

Может, больше.

Когда я уже почти убеждаю себя, что всё нормально, в дверь снова звонят.

Я замираю.

Открываю.

Он стоит на пороге.

Без куртки.

Чуть усталый.

— Охрана сказала, что ты не спишь, — спокойно говорит он.

— Ты что, вернулся?

— Да.

Я молчу.

Он чуть пожимает плечами.

— Я не собирался оставаться в машине до утра.

Пауза.

Он смотрит на меня внимательнее.

— Если тебе некомфортно, я уйду.

И это не манипуляция.

И не давление.

Просто факт.
Я отступаю в сторону, сама не до конца понимая, почему.
— Можешь... остаться, — говорю я тихо.
Он не улыбается победно.
Не делает из этого ничего.
Просто кивает.
— Хорошо.
Я даю ему подушку и одеяло.
Он берёт их так, будто это нормально.
Будто так и должно быть.
Мы не обсуждаем ничего.
Не ищем смыслов.
Не делаем вид, что это «ничего не значит».
Просто он идёт в гостиную.
Я — в спальню.
Двери остаются приоткрытыми.
И в тишине квартиры впервые за долгое время есть не одиночество.
А присутствие.
Другое.
Сло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.